

последовательности, в которой они происходили, приводит тексты песен и диалогов. Не менее важна и информация о жертвоприношении жеребенка, не связанном с медвежьим праздником, о духах — покровителях мансийских и хантыйских селений. К описаниям медвежьего праздника и жертвоприношений прилагаются рисунки планов поселений и построек с обозначением их деталей на мансийском языке (с. 222—223, рис. 26), что существенно дополняет представление о самих действиях.

Последний раздел (с. 252—270) — дневник и отчет о поездке в Тагил и Ивдель в 1938 г., во время которой В. Н. Чернецов занимался в основном изучением наскальных изображений, разведкой археологических памятников (с. 252—271). Здесь зафиксирована также и этнографическая информация в основном из области духовной культуры. Интересно замечание В. Н. Чернецова по поводу мансийского струнно-смычкового музыкального инструмента *нерне йив*, напоминающего, по его мнению, инструмент иранского мира (с. 267).

В публикацию включено 29 рисунков из архива В. Н. Чернецова. Помимо упомянутых выше это зарисовки орудий охоты и рыболовства, их деталей, жилых и хозяйственных построек, предметов утвари, одежды и т. п. манси и ненцев. В тексте содержится большое количество терминов и фраз на мансийском и ненецком языках. К сожалению, не всегда имеется перевод на русский язык, что затрудняет работу с источником. В издание входит также словарь этнографических терминов и местных слов (русских и на языках народов Севера), составленный Н. В. Лукиной (с. 272—277), список работ В. Н. Чернецова (с. 278—280) и карта районов его этнографических экспедиций, подготовленные О. М. Рындиной.

Полевые материалы В. Н. Чернецова — ценнейший источник как для этнографов, так и для лингвистов, фольклористов, археологов. Их важность заключается не только в подробной информации по вопросам духовной культуры, социальной организации, занятий и материальной культуры манси, но и в том, что это наиболее полные, чуть ли не единственные данные по этнографии манси середины 1920—1930-х годов. Составители этого издания заслуживают благодарности за ту большую и трудоемкую работу, которую они проделали в процессе его подготовки.

Хотелось бы увидеть опубликованными и полевые материалы других ученых-сибиреведов, хранящиеся в различных архивах страны. С выходом экспедиционных материалов В. Н. Чернецова современные исследователи получили информацию о многих уже утраченных к настоящему времени явлениях культуры. Вместе с тем нужно отметить, что целый ряд сведений по культуре манси фиксируется и в настоящее время (хотя, конечно, в количественном отношении не в таком размере, как в 20—30-е годы), что является свидетельством сохранения национальной культуры, несмотря на все те трудности, с которыми она сталкивалась в процессе своего существования в течение последних десятилетий.

Е. Г. Федорова

Примечания

¹ Об архиве В. Н. Чернецова см.: Лукина Н. В., Рындина О. М. Этнографический архив В. Н. Чернецова (К 80-летию со дня рождения ученого) // Сов. этнография. 1985. № 5. С. 70—74.

² О В. Н. Чернецове см.: В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова. В. Н. Чернецов // Сов. этнография. 1970. № 4. С. 194—197; А. П. Смирнов. В. Н. Чернецов // Сов. археология. 1971. № 1. С. 309—310; Проблемы археологии Урала и Сибири: Сборник статей, посвященных памяти В. Н. Чернецова. М., 1973. С. 1—4; Омельчук А. К. Рыцари Севера. Свердловск, 1982. С. 129—186; Лукина Н. В., Рындина О. М. Указ. раб. С. 70—71.

³ Список печатных работ В. Н. Чернецова см.: Проблемы археологии Урала и Сибири. С. 5—9.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

А. Е. Супрун. Полабский язык. Минск, 1987. 95 с.

Новая работа А. Е. Супруна, известного советского специалиста в области языка и культуры полабских славян, продолжает цикл его публикаций по данной проблематике¹. Хотя монография предназначена главным образом для филологов, она представляет особый интерес также для этнографов, культурологов, историков. Дело в том, что автор, сосредотачиваясь на собственно лингвистической проблематике, привлекает также материалы по истории и культуре носителей этого, ныне не существующего языка, создавая достаточно широкий культурно-исторический фон. Большой интерес представляют публикуемые впервые все дошедшие до нас полабские тексты.

Племена полабских славян, проживавших с VI—VII вв. на значительной части современной территории ГДР (Мекленбург, Бранденбург) и ФРГ (Ганновер и др.), в результате германской восточной экспансии, особенно усилившейся в X—XII вв., были ассимилированы и влились в немецкий этнос. Процесс этот был достаточно длительным, и еще в первой половине XVII в. полабский язык бытовал среди крестьян в селлах Дравенланд (Дравенланд).

В историографии полабских славян сложилась парадоксальная ситуация: подавляющая часть археологических, исторических и этнографических исследований посвящена начальному периоду расселения и развития полабских племен². Период после XII в., когда протекали и завершались ассимиляционные процессы, почти не освещен в литературе (если не касаться лужицких сербов, сохранившихся до сих пор и пользующихся в ГДР всеми правами культурной автономии). Между тем для лучшего понимания механизма ассимиляционных процессов в целом и специфики дальнейшего формирования немецкого этноса с выявлением вклада в этот процесс местного славянского субстрата представляется крайне важным проследить генезис и трансформацию этнокультурных традиций местного славянского происхождения.

Предлагаемое в рецензируемой работе исследование постепенно исчезнувшего языка полабских славян, несомненно, может способствовать решению данной задачи. Это, в частности, касается такого сложного и недостаточно разработанного в теории этноса вопроса как соотношение функционирования языка и этнического самосознания его носителей в условиях ассимиляции.

Во «Введении» и в «Приложении» собран небольшой, но ценный материал, зафиксировавший культурную жизнь, обычаи и бытовую лексику малочисленного славянского населения на левобережье Эльбы. Интересны, например, сведения о записях полабского языка, сделанных грамотным крестьянином Яном Парум-Шульце (1677—1740) из деревни Зютен под Люховом. В 20—30-е годы XVII в. он взялся за фиксацию остатков родного языка, вследствие чего кроме отдельных слов до нас дошли небольшие тексты живой полабской речи, живых диалогов. Он писал в 1725 г.: «Умру я и еще три человека в нашем селе, и никто не будет знать как собака называлась по-вендски» (с. 4—5). Означает ли, что одновременно исчезло и этническое самосознание? В этой связи важно приведенное в книге А. Е. Супруна свидетельство анонимного путешественника, который в 1756 г. записал: «Теперь не найдешь уже места, где бы говорили по-вендски. Мой друг сообщал, что еще несколько лет тому назад в так называемых деревянных (или лесных) селах (в оригинале — *Holzdoͤrfern*, что, быть может, является калькой полабского названия — «древянные села» — А. Е. Супрун) жили еще старики, которые еще немного знали этот язык, но показывали это только после настоятельных просьб. Потому что нынешние жители имеют отвращение к вендам» (с. 5). Автор отмечает также любопытный факт: во время одной из переписей населения в конце XIX в. в округе Люнебург 637 человек (20,6% всего населения) показали себя «вендами», т. е. славянами, хотя вендским они считали свой нижненемецкий диалект. Данный факт позволяет проследить процесс постепенного угасания этнического самосознания, который нельзя сводить только к языковым факторам.

Эта проблематика может быть изучена как по немецким, так и по славянским источникам. Важное место среди них занимает своеобразная хроника, которую вел уже упоминавшийся выше Парум-Шульце. В нее включены сведения о различных событиях с 1691 г., а частично и более раннего времени, существенных для этнографического исследования. Здесь и сведения об очень дождливом лете, о крупном наводнении, о ценах на продукты и промышленные товары, рецепты народных лекарств, сведения о народной одежде и многие другие материалы. Хотя хронику Шульце вел на немецком языке, в 1725 г. он начал записывать для потомков образцы вендского языка.

Особую ценность для изучения культуры полабских славян представляют материалы, помещенные А. Е. Супруном в приложение: приведены полностью немецкий и русский подстрочные переводы всех сохранившихся полабских текстов, включая и записанные Парум-Шульце диалоги, «являющиеся образцами живой, местами грубоватой речи древянских мужиков на последнем этапе существования полабского языка — в 20-х годах XVII в.» (с. 80). В этом же разделе читатель знакомится с единственным документом устного народного творчества — свадебной песней.

Рассматриваемая работа А. Е. Супруна позволяет поставить ряд вопросов, требующих дальнейшего обсуждения. Так, автор называет полабским языком язык древян. Думается, что правильнее считать полабский язык языком группы славянских племен (варны, ободриты (бодричи), глиняне, вагры, древяне и др.). Другое дело, что древянополабский язык как наиболее длительное время продержавшийся и поэтому получивший письменную фиксацию, является тем реальным материалом на основе которого возможна не только лингвистическая, но и этнокультурная реконструкция. В этом убеждает капитальный лексикографический труд западногерманского слависта Р. Олеша «Тезаурус древянополабского языка»³.

К сказанному следует добавить, что чисто лингвистический анализ полабского (древнеполабского) языка нуждался бы в его историческом осмыслении, что дало бы дополнительные возможности для изучения процесса ассимиляции славянского населения немецким этносом. Этот вопрос пока остается открытым.

В недавно вышедшем новом издании «Славяне в Германии»⁴ Иоахим Херман сделал интересную попытку выявить основные факторы ассимиляции славянского населения. Во-первых, появление немецких поселенцев в завоеванных немцами феодалами славянских областях (XII—XIII вв.) и массовая миграция с запада немецких крестьян. Во-вторых, основание немецкими феодалами в XI—XII в. сети укрепленных замков и городов на славянских землях. В-третьих, создание всеохватывающей системы католических приходов католической церковью, которая играла роль оправдателя германской агрессии.

В процессе этих этнических и политических перемен местное славянское население в деревне и городе оказывалось на низшем социальном уровне, а славянский язык не просто третируется немецкими поселенцами, но и законодательно запрещался. Все это и явилось основой, обусловившей ассимиляцию местного населения.

В этом контексте и следует рассматривать эволюцию и постепенное угасание черт традиционной местной славянской культуры. Но, повторяем, этот вопрос нуждается в специальном исследовании и в этом смысле работы, подобные работе А. Е. Супруна, открывают перед этнографами новые дополнительные возможности исследования.

С. Э. Бокариус

Примечания

¹ Супрун А. Е. К определению знаний полабским языком. // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. М., 1975. С. 42—46; *его же*. Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983; Супрун А. Е., Калюта А. М. Введение в славянскую филологию. Минск. С. 99—105.

² Саливон А. Н. Самосознание ободритов (К вопросу о формировании ободритской раннефеодальной народности) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 130—145; Санчук Г. Э. Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян (VI—X вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 195—212; *его же*. Формирование государственности и раннефеодальной народности у сорбов // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 97—105.

³ Olesch R. Thesaurus linguae Dravaeno polabicae. Köln, Wien. Böhlou Verlag, 1983—1987. Т. 1—4; См. также рец. Супрун А. Е. Reinhold Olesch. Thesaurus linguae dravaenpolabicae // Советское славяноведение. М., 1986. № 4. С. 114—117.

⁴ Herrmann J. De slaven in Deutschland Berlin. Akademie-Verlag, 1985.

НАРОДЫ АФРИКИ

К. П. Калиновская. Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX вв. Хозяйство и социальная организация. М., 1989, 256 с.

Народам Восточной Африки посвящена огромная литература. Тем не менее, многие проблемы этнографии этого крупного региона африканского континента остаются недостаточно исследованными, и прежде всего — специфика традиционных обществ скотоводов и полупастухов.

Понятие «традиционное общество» не однозначно и трактуется исследователями по-разному. В интерпретации К. П. Калиновской оно «включает в себя, с одной стороны, определение качественного, формационного докапиталистического уровня развития народа, а с другой — характеризует исторический этап его существования по хронологическому признаку: доколониальное и колониальное время» (с. 5). В принципе такого рода точка зрения не вызывает особых возражений, однако, как представляется, нуждается в некотором уточнении. Ограничиваясь только фактами, приведенными в книге, можно видеть, что, во-первых, речь идет не просто об обществах, стоящих на докапиталистическом уровне социально-экономического развития, а об этносоциальных организациях, не достигших состояния развитых классовых отношений, т. е., стоящих на предклассовой или раннеклассовой стадии. Во-вторых, и это тоже ясно видно из данных, приводимых К. П. Калиновской, существование «традиционных обществ» едва ли ограничивается колониальной эпохой, поскольку они, в более или менее пережиточном виде, сохраняются и до наших дней.

К. П. Калиновская впервые в африканистике рассмотрела традиционные общества скотоводов Восточной Африки как систему взаимосвязанных элементов в ее исторической динамике. Автор сумел это сделать, проведя тщательный анализ очень большого эмпирического материала (охвачено около 50 этносов), а также дав критическую оценку теоретических взглядов своих предшественников. Книга интересна тем, что практически по каждой из исследуемых общих и частных проблем К. П. Калиновская высказывает собственные суждения и приходит к новым выводам. В одних случаях они более, в других менее убедительны, но всегда дают интенсивный импульс к размышлениям. Ряд вопросов, касающихся кочевничества, становления полукочевого и оседлого хозяйства, динамики общественных отношений поставлены впервые, а предложенные решения могут составить основу для дальнейших исследований и дискуссий.

К. П. Калиновской удалось проследить на значительном хронологическом отрезке времени судьбы кочевых, полукочевых и пастушеских народов Восточной Африки, начиная от появления первых о них достоверных свидетельств, и до конца колониальной эпохи, когда значительная часть подвижных скотоводов стала переходить к полупастушескому, а затем к оседлому земледелию. Исторический подход позволил выявить конкретные изменения в хозяйственной деятельности и социальной организации, в том числе в специфическом социальном институте возрастных классов и племенной организации, а также показать эволюцию социальной роли скота.